

Г.С. Батыгин

**У предела:
этика ответственности как национальная идея¹**

Принципиальная проблема, которая обсуждается в десятом выпуске журнала «Этика успеха», может быть сформулирована сакраментальным вопросом: «Успех или добродетель?». Обычно эта проблема решается в альтернативном ключе. Пытаясь преодолеть этический ригоризм и трансценденталистское понимание морали, авторы предложенной для экспертизы доктрины развивают мировоззренческую концепцию прикладной этики применительно к выбору культурных и ценностных оснований российского общества. В этом и заключается программа Центра прикладной этики в Тюмени и продолжающегося издания «Этика успеха», на страницах которого идея прикладной этики в течение нескольких лет обсуждается с различных, в том числе противоположных, точек зрения. Десятый выпуск журнала можно считать в определенной мере итоговым, поскольку доктрина российской идеи успеха получила в нем развернутое освещение.

Цель программы выходит за рамки академических исследований и связана с преодолением идейно-нравственного раскола России по оси «западники-патриоты». Как и в российской публицистике XIX века, когда «русская идея» получила литературное оформление, в центре нынешней полемики находится вопрос о том, пойдет ли Россия по особому пути, или ее судьба связана с интеграцией в западную культуру. Естественным кажется и акцент на нравственных основаниях «русской идеи» – речь идет не столько о том, какой путь полезен сегодня для России, сколько о поиске национальной идентичности, традиционно соотносящейся с «духовностью» русского народа. Острота полемики поддерживается убежденностью в необходимости идеи, объединяющей расколотое российское общество, которое находится сегодня в состоянии морального вакуума. Такой объединяющей идеей, по мнению авторов, является этика успеха.

¹ *Батыгин Г.С.* У предела: этика ответственности как национальная идея // Российская идея успеха: экспертиза и консультация. Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. С. 58-65.

Теоретические основания доктрины неординарны. В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов и в последние годы В.А. Чурилов разрабатывают посткантианскую этическую концепцию, преодолевающую, казалось бы, извечное противостояние долга и склонности, добра и пользы. Следуя теории рационального выбора, играющей заметную роль в современной западной общественной науке, авторы разрабатывают идеологию и технологию гуманитарной экспертизы – обоснования решений в политической, предпринимательской, педагогической и других сферах практической деятельности, которые нередко трактуются как не имеющие прямого отношения к моральному выбору. Неординарность предлагаемой концепции заключается как раз в том, что этика становится прикладной.

С некоторой долей условности современные общественно-научные концепции можно разделить на отстраненные от оценочных суждений и активистские, цель которых – пропедевтика определенных ценностей и формирование идеологий. При этом декларированная ценностная нейтральность не должна восприниматься слишком серьезно, поскольку нередко используется в качестве средства продвижения на «рынок идей». Реже приходится сталкиваться с противоположным – развертыванием ценностно-нагруженной доктрины. Вероятно, этот процесс отчасти обусловлен маятниковым эффектом. Деидеологизация социальных доктрин, особенно популярная в период разоблачения советской версии марксизма, сегодня уступает место поиску новых идей и ориентиров, легитимизирующих новый социальный и экономический порядок.

Доктрина этики успеха, разрабатываемая В.И. Бакштановским, Ю.В. Согомоновым и В.А. Чуриловым, представляет собой вполне развернутую идеологию. Разумеется, на этом пути они рискуют, что почти неизбежно для любых доктринеров. Авторы легко преодолевают опасность сведения национальной идеи к ее этнонациональной и «государственной» версиям. Можно сказать, они зарекаются претендовать на «госзаказ» – недвусмысленно отказываются от претензии на государственную идеологию, ограничивая свои задачи выработкой ценностно-нормативной системы, поддерживающей солидарность российского общества. Искренность их намерений несомненна. Следует заметить, что до тех пор, пока сфера влияния Центра прикладной этики (или, как принято сегодня говорить, поле) не выходит за пределы интеллектуального сообщества и важных персон, доктри-

на этики успеха вполне приемлема в рамках современных дискуссий. Но, рассуждая в терминах «объективной возможности», можно предположить, что Центр прикладной этики становится федеральным учреждением и получает права государственного комитета. Тогда «кодексы» и «кредо» рискуют превратиться в нормативные документы, а безупречные нравственные качества их авторов не смогут помешать утверждению этой продукции в качестве настоящей идеологии.

Идея успеха рассматривается авторами в качестве морально-философской доктрины, «практической философии современности», способной по мере реформирования страны превратиться в идею общенационального, общедемократического масштаба (с. 17)². В ее основе лежит последовательная теоретическая концепция этики, с которой вряд ли согласятся сторонники этического ригоризма. Речь идет об ответственности не только за мотивы и цели действий, но также и за средства, и за результаты, и за последствия поступков. Ссылаясь на М. Вебера, авторы различают две ориентации этического действия: на убеждение и ответственность. Этика убеждения предписывает поступать так, как велит долг, не принимая в расчет возможные последствия поступка: если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими (с. 121). Этика ответственности признает сферой морали все этапы поступка как ключевого акта морального выбора.

Анализируя проблемную ситуацию, связанную с поиском национальной идеи, авторы рассматривают широкий диапазон мнений, представленных в современной российской публицистике. Этот раздел научно-публицистического доклада, в форме которого представлена доктрина, интересен сам по себе как обобщающая картина полемики вокруг интеллектуального поиска путей развития российского общества. Здесь можно обнаружить и «идеофобии», обоснованно трактующие стремление изобрести еще одну общенациональную идею как крайне опасную глупость (Д.С. Лихачев), и «идеофилии», связанные с попытками преодолеть социальные и культурные противоречия в российском обществе и сформулировать новые ценности

² Здесь и далее цитируется по: Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. 1997. Вып. 10, специальный.

(Л.А. Аннинский), и объективный анализ «госзаказа» на идеологию (с. 23-32).

Хотя авторы «Национальной идеи успеха», следуя, вероятно, своей установке на диалогичность гуманитарной экспертизы, акцентируют прежде всего компромисс между различными позициями, принцип толерантности и возможность синтетического обоснования социальных ценностей, точки соприкосновения конкурирующих идеологий относятся скорее к области возможного, чем реального. Опираясь на мнение А.С. Ахиезера о закономерном формировании «гибридных идеалов» в результате культурного и социального раскола, В.И. Бакштановский и соавторы считают «этику успеха» одной из идеологических форм нового синтеза, позволяющей выработать общую платформу для участников публицистических столкновений. В качестве возможного материала для конвергенции позиций они указывают также на предложенную А.С. Панариным евразийскую интерпретацию морали успеха, которая являет собой альтернативу «опыту вестернизаторов», ослабляющему постиндустриальный потенциал российской культуры. По его мнению, вестернизаторы «неумолимо преследуют все то, что не соответствует односторонне понятым императивам экономического либерализма. Культура, наука, образование – все те сферы, в которых концентрируется главный потенциал нации, поставлены в условия, предопределяющие их неуклонную деградацию» (с. 54). Однако евразийская трактовка российской модели успеха обладает, на наш взгляд, отчетливым конфликтным потенциалом, ибо недвусмысленно указывает на врага – «западное эпигонство» – и благодаря этому имеет основания претендовать одновременно на роль доминирующей национальной идеи и моральной доктрины (в той мере, в какой моральная доктрина несет на себе печать морализаторства и поиска врага).

В своем стремлении к «коэволюции» и «конвергенции» различных версий национальной идеи создатели этики успеха не учитывают особенностей создания совокупного идеологического текста. Во-первых, как и любой текст, национальная идея имеет самостоятельный характер, то есть непосредственно не соотносится с различиями, релевантными для массового сознания, не говоря уже об интересах социальных групп. Иными словами, национальная идея возможна лишь постольку, поскольку существует смысловое поле, заданное газетно-журнально-телевизионными дебатами. Российское националь-

ное сообщество в этом отношении представляет собой скорее многомиллионную аудиторию, чем «народ», обладающий мотивами и целями. Поэтому даже конвергентная национальная идея, на роль которой успешно претендует этика успеха, рискует остаться фактом литературной жизни России, тогда как «силы сокрытые» дают о себе знать как раз тогда, когда публицисты этого не ждут.

Во-вторых, стоит учесть, кем создаются идеи, в том числе национальные. Они создаются публицистами, ремесло которых заключается как раз в том, чтобы артикулировать явный и неявный конфликт. В отличие от Ю. Хабермаса, полагающего, что участники коммуникации ориентированы на консенсус, Н. Луман имеет все основания утверждать, что целью дискурса может быть воспроизводство конфликта, равно как и любые другие цели. Когда обсуждается национальная идея, рассчитывать на консенсус неправомерно, поскольку каждая доктрина нуждается в оппозиции. Иными словами, тезис о революции как опиуме интеллектуалов продолжает сохранять свою силу. Если не принимать в расчет почти стопроцентной грамотности и господства «голубого экрана», нынешняя ситуация в России в чем-то аналогична ситуации конца прошлого века. Столкновение народнических «платформ», полемика о «мужике» и «рабочем», высокие слова о правде – истине и правде – справедливости являли собой коды отрицания социального порядка и «правительства». Это отрицание, поддерживавшееся преимущественно нравственными аргументами, создавало ту необходимую конвергенцию, на основе которой достигалось взаимопонимание между сторонниками конституционной монархии и анархистами. Попросту говоря, ситуация, когда председатель областного суда участвует в демонстрации ссыльнопоселенцев, является типичным выражением национальной идеи и сегодня, равно как и почти сто лет назад.

В монографии «Советский простой человек», изданной ведущими специалистами ВЦИОМа в 1995 году и готовящейся к переизданию, ключевым понятием остается «двоемыслие». Это не просто изначально присущая запуганному «простому советскому человеку» изворотливость и умение думать одновременно по-разному. «Двоемыслие» скорее означает неспособность красивой идеологической схемы описать поведение людей в реальных системах социального действия. В этом отношении советская версия марксизма, в том числе

в ее моральной составляющей, была исключительно пригодна на роль национальной идеи многозначностью и эзотеричностью своего лексикона, способностью к адаптации в самых различных направлениях. В российской душе не обнаруживается ничего загадочного по сравнению, например, с англо-саксонской и еврейскими душами. Никто не принимает всерьез утверждения, что пуританин думает только о спасении души, отдавая всего себя работе, а для еврея нет ничего важнее субботы. В равной степени не стоит принимать всерьез результаты тестирования русских по шкале ММРІ, изложенные К. Касьяновой. Трудно проверить, отдает ли русский предпочтение ценностно-рациональным действиям перед действиями целерациональными. Во всяком случае, эпилептоидная акцентуация, присущая, по ее мнению, русскому национальному характеру, проявляется не в склонности к разработке детальных планов и к поэтапному неуклонному их осуществлению, а, скорее, в тоскливо-злобных состояниях, сумеречном состоянии сознания, маниакально-депрессивных психозах. Русский «устраивает» свою социальную систему в соответствии с определенными, известными ему культурными стандартами (с. 61). Если так, то обладание русским национальным характером может стать основой для клинического диагноза. (Впрочем, некоторые считают, что «русский» – это диагноз.) Таковы теоретические модели, используемые для создания национальной модели успеха.

Если уж национальные идеи и существуют, то не в виде хорошо выстроенной и поэтому убедительной идеологической доктрины, а в виде мифа о нации. Здесь возникает вопрос о том, как создается миф. Одна из особенностей мифотворчества заключается в том, чтобы разгадать очертания уже существующего или, по крайней мере созревающего мифа и сделать его явным. Среди полемических позиций, упоминаемых в книге, есть использованная Н.Е. Покровским метафора океана, с которым имеют дело проектировщики различных этик. «Мы касаемся некоего колосса, массива истории и культуры», – пишет Н.Е. Покровский (с. 51), и сама постановка такого вопроса наводит на мысль о шпенглеровских прафеноменах, живущих собственной жизнью.

Авторы именуют свои притязания на создание национальной модели успеха дерзкими. Несмотря на уверения в конвергентности и диалогичности доктрины, она резко противопоставляется «люмпенизированному мифу» об успехе как беспроигрышной ставке в жизнен-

ной рулетке. Успех противопоставляется здесь удаче, иррациональной надежде на счастливый случай или милость начальства. В центре этой действительно дерзкой доктрины оказывается этическая составляющая успеха как индивидуального достижения при соблюдении «правил игры». Более того, этика успеха трактуется как символ современной цивилизации. Если в традиционных обществах социальное взаимодействие регулировалось преимущественно предписанными статусами и мораль была отделена от индивидуального успеха, то «открытое общество» формируется на основе «рациональной морали», а не на принципах абстрактного долженствования. Этика любви («возлюби ближнего, как самого себя») уступает место консеквенциональной этике ответственности («всякому воздастся по делам его»). Это различие имеет принципиальный характер для понимания мировоззренческой доктрины, развиваемой В.И. Бакштановским, Ю.В. Согомоновым и В.А. Чуриловым. Как известно, консеквенциональная этика включает в сферу моральной ответственности не только мотивы, но прежде всего последствия действия, не позволяя актору считать себя морально безупречным тогда, когда его, казалось бы, добрые поступки приводят к «злым» последствиям. Консеквенциональные этические требования являют собой сверхзадачу – нужно знать последствия своих поступков, то есть обладать «хитростью разума», недоступной смертному. Этот теоретический постулат лежит в основе концептуального определения успеха, которое включает такие структурные элементы, как смысл, мотив, цель и средство действия. Собственно говоря, принципиальное различие, вводимое авторами, заключается в понимании успеха не как пользы (этики-утилитаристы описывали этот феномен в терминах «удовольствие» и «страдание»), а как экзистенциальной ценности, рядоположенной с фундаментальными ценностями игры, труда, любви, смерти, господства (с. 91).

Здесь возникает довольно трудная проблема интерпретации рационально осознанных целей и средств как экзистенциальных ценностей. Игра, любовь, смерть, труд, господство проблематизируются лишь в специфических смысловых контекстах, отграниченных от решений, принимаемых в жизненном мире. Иными словами, вопрос о том, как добиться успеха у женщин, требует не столько этического, сколько инструментального обоснования. Поэтому, преодолевая принципиальную несовместимость аксиологического и праксеологического измерений успеха, авторы рискуют получить «кашу с гайкой» –

обнаружить внутри экзистенциально интерпретированного успеха противостояние морали и пользы. Исключения из такого рода контroversы, явленные образами «счастливых неудачников», подтверждают правило.

Авторы достаточно отчетливо сознают, что этика успеха требует социологического обоснования: во-первых, анализа исторических форм успеха как жизненной ценности, во-вторых, дифференцирования видов деятельности, в которых наблюдается консистентность аксиологического и праксеологического измерений. В центре их внимания оказывается профессиональный успех, в котором цель функционально сопряжена с нормативными средствами ее достижения. В структурно-функционалистской традиции профессия уверенно интерпретировалась как «паттерн» нормативной регуляции поведения, исключая какие-либо отклонения от ожиданий, в том числе тогда, когда возникает необходимость нарушить нормы ради самих норм. В «Этике успеха» последовательно проводится функционалистская идея, что нормально устроенное современное общество немислимо без установки на фундаментальную ценность профессионального успеха: «Профессиональный успех выступает не только универсальным критерием оценки любой личности, но и универсальным социопсихологическим мотивом и первоосновой для полноценной самоидентификации мобильной личности» (с. 104). Отсюда следует требование о реабилитации ценности успешного профессионализма. Вероятно, авторы считают ценность успешного профессионализма очевидной. Они убеждены, что профессиональная этика «не просто совпадает с объективной логикой функционирования подсистем и организаций, а обязательно требует такого совпадения на основе определенным образом ориентированного поведения специалистов всех профилей, что и позволяет соединить нравственность с профессионализмом» (с. 144).

Действительно, сегодня найдется немного пишущих людей, которые всерьез воспринимают жесткие аргументы теоретиков «нового класса» от Бакунина и Махайского до Миллса и Горовица. Более респектабельны и популярны среди гуманитариев идеи Хабермаса о господстве «системы» и ее творцов – профессионалов над «жизненным миром». В любом случае обсуждение этических ценностей профессионализма может стать более осторожным и взвешенным, если учесть тезис о принципиальном аморализме интеллектуального ос-

воения мира и превращении профессионалов в касту, диктующую «профанам» нормы результативной морали, среди которых может найти место и «этика успеха». Здесь опять может возникнуть «каша с гайкой».

Различение результата и успеха аналогично различению пользы и счастья: «В качестве успешных (либо неуспешных) оцениваются не только праксеологические аспекты человеческой деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но и, прежде всего, аксиологическая составляющая целей человека успеха» (с. 109). Решение контрверзы выходит за рамки социологической модели – это дело нравственного выбора. Поэтому авторы имеют все основания говорить об этике успеха как моральной идее и ставить вопрос о том, кому она служит. Ответ на этот вопрос вполне прямолинеен: «Этика успеха революционизирует социальные структуры и отношения, «обслуживая» вовсе не “новых русских”, если под этим выражением понимать лишь известную часть предпринимательского и чиновничьего сословий, а новых в культурологическом смысле, т.е. “молодых русских”» (с. 162). Не вполне ясно, кто имеется в виду под «молодыми русскими», но, вероятно, за этой метафорой стоит «служение делу», основанное на «честной игре». Авторы ссылаются на исследования, фиксирующие группы населения с развитой коммуникативной рациональностью в поведении, которым присущи умеренные формы индивидуализма и солидаризма и в то же время нормы и ценности этики успеха.

Возможно, операциональные параметры этики успеха остаются неясными. Но так или иначе в российском обществе происходит мобилизация индивидуалистических ценностей, сопровождающаяся формированием «контрактных» норм и соответствующих санкций. Пока общественное сознание вынуждено существовать в «расколото-м» мире. Коллективистско-общинный идеал и связанные с ним патерналистские надежды утратили универсалистские претензии и могут занимать лишь одно из мест в культурном пространстве постсовременности. Этика успеха, конечно же, не обладает очарованием морального ригоризма. Зато она практична и открыта, совместима с другими типами этоса и, по мнению авторов проекта, преодолевает извечное противостояние «древних» и «новых».

Опубликованная в десятом выпуске «Этики успеха» доктрина представляет интерес прежде всего поставленной авторами сверхза-

дачей – дать этическое обоснование национальной идеологии. Если доктрина получит признание и распространение, ее судьба может оказаться похожей на судьбу этических, религиозных и социальных доктрин, которые уже завершили свой исторический путь. В данном случае авторам, несомненно, придерживающимся принципов этики ответственности, полезно помнить об объективных последствиях своих намерений, а также о судьбе великих доктринеров, не имевших возможности контролировать своих последователей. Если же доктрина В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова и В.А. Чурилова не получит признание в качестве российской идеи, она останется примечательным событием в научно-публицистических дискуссиях 1990-х годов, и этот исход представляется наиболее благоприятным.